

УДК 94–054.72(=161.2:498)"1919/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/7

ТРЕТЬЯ ВОЛНА МЕЖВОЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В РУМЫНИИ

В.Н. Власенко

Сумский государственный университет
Украина, 40007, г. Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2
E-mail: v_m_vlas@ukr.net

Авторское резюме

В статье на основе ранее неизвестных документов украинских и зарубежных архивов рассматривается вопрос формирования украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период. Основное внимание уделяется третьей волне эмиграции осени 1920–1921 г. Рассказывается о военно-политической ситуации на юге Украины, приведшей к переходу украинско-румынской границы отдельными частями Армии УНР, повстанцами и гражданскими лицами, об отношении румынских властей к интернированным украинцам. Также рассматриваются меры Чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии по оказанию помощи эмигрантам. Впервые в современной украинской историографии показан сухопутный поток третьей волны эмиграции. Делается вывод, что украинская политическая эмиграция в Румынии сформировалась самостоятельно, без влияния российской эмиграции. Ее основу составляли военнослужащие Армии УНР, члены партизанско-повстанческих отрядов, гражданские лица. В начале 1920-х гг. общее количество украинских эмигрантов составляло не менее 4 тыс. человек.

Ключевые слова: украинская эмиграция, Румыния, волна эмиграции, беженцы, Украинская Народная Республика, Чрезвычайная дипломатическая миссия.

The third wave Ukrainian interwar political emigration to Romania

V.N. Vlasenko

Sumy State University
2 Rimsky-Korsakov str., Sumy, 40007, Ukraine
E-mail: v_m_vlas@ukr.net

Abstract

This article is based on the previously unknown documents stored in the national and foreign central state archives and describes the formation of Ukrainian political emigration to Romania during the interwar period. The primary focus is made on the third wave of emigration taken place in autumn 1920–21. The author provides the facts regarding military and political situation in the Southern part of Ukraine that resulted into flow of the particular groups of the UPR Army, rebels and civilians across the Romanian border. The article also contains the facts proving the attitude of the Romanian authorities towards the internees. Furthermore the article depicts the scope of actions taken on behalf of the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania with regards to the emigrants support. In addition the ground flow of the third wave of emigration is introduced in the text for the first time in modern Ukrainian historiography. The author concludes that Ukrainian political emigration to Romania was self-sufficing and had not influence from the side of Russian emigration. It was based on the military personnel of the UPR Army, partisan and rebellious group members and civilians. In the beginning of 1920th the total number of Ukrainian emigrants was equated to 4 thousand people.

Keywords: Ukrainian emigration, Romania, emigration wave, refugee, Ukrainian People's Republic, the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic in Romania.

Первая мировая война и революционные события 1917–1921 гг. в бывшей Российской империи вообще и на Украине в частности активизировали миграционные процессы. Они стали причиной эмиграции нескольких сотен тысяч украинцев. Это не был односторонний и одномоментный акт. Традиционно выделяют два направления эмиграции с Украины: южное, когда эмигранты следовали в Турцию, балканские страны, Северную Африку, на средиземноморские острова, и западное – в Польшу, Чехословакию и далее в страны Западной Европы. Наименее исследованным является южное направление, в частности в Румынию как сопредельное государство. Также выделяют волны эмиграции – повторяемые массовые эмиграционные потоки. Первая волна охватывает период со второй половины 1918 г. до конца 1919 г., когда в Румынию прибыли отдельные представители зажиточных слоев населения, военные и гражданские лица после поражения войск Антанты в апреле 1919 г. (Власенко 2014: 105–120). Вторая волна пришлась на зиму – весну 1920 г., когда вследствие ряда поражений армии А. Деникина из Одессы и Новороссийска были эвакуированы военные и гражданские лица. В Румынии тогда оказалось несколько сотен украинцев.

Третья и наиболее массовая волна эмиграции с Украины и Крыма отмечалась в ноябре 1920 г. вследствие поражения Армии УНР на правобережной Украине и Русской армии в Крыму. Соответствен-

но определились и два потока эмиграции: первый – через Днестр на румынскую территорию, второй – морем из портов Крыма. Наша статья посвящена первому потоку третьей волны эмиграции как продолжению процесса формирования межвоенной украинской политической эмиграции в Румынии.

После поражения Красной армии под Варшавой в середине сентября 1920 г. началось наступление польско-украинского войска. С подписанием перемирия в середине октября фронт остановился на Подолье. Армия УНР попыталась самостоятельно вести борьбу против Красной армии. Однако уже 14 ноября 1920 г. из Каменец-Подольского в Галицию, занятую поляками, выехало правительство УНР, а 21 ноября Армия УНР перешла р. Збруч и была интернирована в Польше.

В районе г. Каменец-Подольский отдельные части 3-й Железной дивизии Армии УНР вынуждены были перейти румынскую границу. 11 ноября 1920 г. в районе с. Лядова три воинские группы форсировали Днестр. Это были 2-я пулеметная бригада, в состав которой входили два пулеметных куреня, конная сотня и батарея, численно превосходившая пулеметную бригаду группа казаков и старшин, которые во время боев 10 ноября отстали от своих частей, а также 3-й Донской конный полк (командир Михаил Фролов). По данным ГПУ, на территорию Румынии перешло около 600 военных (Русская 2010: 595). 10 декабря 1920 г. министр иностранных дел Румынии Думитру Таке-Ионеску (1855–1922) отметил, что румынскую границу пересекло 800 военнослужащих Армии УНР (ЦДАВО 8: 134). Кроме них, были и гражданские лица. С разрешения местных властей прибывшие переночевали в с. Наславча. Затем они двинулись на станцию Окница, где местная власть и население сочувственно отнеслись к беженцам. Там была осуществлена реорганизация отдельных частей. Из второй группы были сформированы отдельный казачий курень и рота старшин. В Окнице симпатизировавшая П. Врангелю группа казаков из состава 3-го Донского полка во главе с есаулом Коробко отделилась от украинских частей (Русская 2010: 595–596).

16 ноября всех украинских военнослужащих и донских казаков отправили в г. Бельцы, где фактически и началось их интернирование. Здесь произошла новая реорганизация. Заменили некоторых старшин, создали суды чести, гражданских лиц отделили от военных и передали под опеку румынской гражданской администрации, воинские подразделения подчинили штабу 2-й Румынской дивизии.

Для установления связи с украинскими военными в город прибыл представитель Чрезвычайной дипломатической миссии (ЧДМ) УНР в Румынии сотник Александр Долюнюк. В конце 1920 г. их основ-

ную массу отправили в г. Брашов, где разместили в двух лагерных отделениях. Казаков определили в бараки Бартоломея, а старшин – в крепость Четацуя (Власенко 2008: 137). Большинство (391 чел.) интернированных составляли казаки и старшины 2-й пулеметной бригады.

Под натиском Красной армии через Днестр на территорию Румынии переходили партизанско-повстанческие отряды. Их отправляли в лагеря интернированных. По данным ГПУ, в январе 1921 г. в Брашов прибыли партизанские отряды во главе с атаманом Евгением Якубенко (30 чел.), полковником Василием Сирком (Низовая партизанская бригада – 100 чел.) и генералом Андреем Гулым-Гуленко (100 чел.). В конце лета 1921 г. румынскую границу пересек отряд Н. Махно в составе 70-80 чел. (Русская 2010: 596). По другим данным, Низовая партизанская бригада насчитывала 144 чел. (ЦДАВО 2: 14), отряд Е. Якубенко – 109 чел. Осенью того же года в лагерь прибыли небольшие отряды атаманов Ивана Хмары, Петра Запорожца, Степана Радзиевского (Порохівський 1931: 79–81). В начале ноября 1921 г. всех интернированных из Брашова перевели в лагерь с. Хэлкиу. Однако через неделю снова возвратили в лагерь Брашова. Туда же за несколько дней до этого прибыли интернированные российские военнослужащие (около 300 чел.) во главе с генералами Рындиным, Сташинским и Черновым. Между украинскими и российскими военнослужащими установились напряженные отношения (Порохівський 1930: 63–64).

В лагере «Рада Негри» в г. Фэгэраш румынская власть разместила гражданских лиц, старшин, которые имели жен и детей, а также старшин, принадлежность которых к Армии УНР трудно было установить. По распоряжению председателя военной секции ЧДМ генерала Сергея Дельвига (1866–1944) от 4 января 1921 г. полковник Гнат Пороховский (1888 – не позже 1950) был назначен комендантом лагерей в Брашове и Фэгэраше (ЦДАЗУ: 1).

В декабре 1920 г. румынская власть согласилась с предложением Франции принять 1,5 тыс. беженцев из Крыма, которые находились в Константинополе. Вскоре в порт Констанца прибыло 1 650 чел., в том числе 100 женщин и 600 не приспособленных к физическому труду. Их разместили в лагере интернированных в курортном городке Текиргиол близ Констанцы (ГАРФ 1: 16–17). Среди интернированных в этом лагере находилось несколько сотен украинских повстанцев. Опекун над ними взяла на себя ЧДМ. Лагерь посетил С. Дельвиг, для нужд интернированных были присланы украинская литература и пресса (ЦДАВО 6: 207зв). Вскоре интернированных из этого лагеря перевезли в Трансильванию, где разместили в мона-

стырях, преобразованных в лагерь беженцев. Большая часть из них принадлежала к куреням Екатеринославского и Полтавского повстанческих кошей Русской армии (Власенко 2008: 137).

Количество интернированных украинцев не было постоянным. Так, в марте 1921 г. в трех лагерях их находилось 1 180 чел., в том числе в Брашове – 800, Фэгэраше – 80, Текиргюле – 300 чел. (ЦДАВО 8: 47 зв). По данным военной секции ЧДМ, в начале июня того же года было зарегистрировано 868 интернированных украинских военных, в том числе в Брашове – 461, Фэгэраше – 150, в лагерях при монастырях Козья, Тисмана, Секу – 126, в Бухаресте и его предместьях – 131 чел. (Власенко 2008: 136–137). Это было связано с тем, что часть интернированных использовалась на разных работах за пределами лагеря. Например, первая партия была отправлена на два сахарных завода: 150 чел. – в Джурджу (Giurgiu, Журжа) и 100 чел. – в Зарожаны недалеко от Хотина (ЦДАВО 8: 155 зв). В конце 1921 г. в лагерях Брашова и Фэгэраша оставалось лишь 238 чел. Остальные интернированные работали в разных местностях, в частности 750 чел. – в Джурджу, 152 – в Бухаресте и предместьях, 200 – в других населенных пунктах (Павленко 1999: 271).

Кроме того, в Бухаресте существовало четыре лагеря интернированных украинцев: близ железнодорожной станции в районе Пантелимон, по улице Котрочень возле одноименного дворца, в помещении хозяйственного склада и в форте Отопень на северной окраине города (ЦДАВО 4: 9).

В декабре 1921 г. российские и украинские интернированные со всей Румынии были переведены в Орадя-Маре (ныне г. Орадя). Лагерь разместили в крепости Кастел. Украинцев отделили от россиян. Со сменой руководства российским лагерем (полковник Чижиков), который насчитывал около 2 тыс. чел. (Павленко 1999: 273), вражда с украинцами прекратилась. А некоторые офицеры Русской армии и все старшины Екатеринославского и Полтавского повстанческих кошей перешли в украинский лагерь. В 1922 г. из общего количества 187 старшин таких в лагере было 46. В украинской части лагеря среди интернированных находились также гражданские лица – 21 мужчина, 25 женщин и 8 детей (ЦДАВО 5: 1–2 зв, 4).

Весной 1921 г. начался процесс выезда интернированных украинцев в другие страны в поисках работы и учебы. Например, в марте того же года в разные страны, преимущественно в Польшу и Чехословакию, выехали 15 чел. (ЦДАВО 8: 47 зв). По данным Украинского общественного комитета в Чехословакии, во второй половине 1921 г. из Румынии прибыли 36 чел., в том числе 20 мужчин, 7 женщин, 9 детей, в 1922 г. – 91 чел., в том числе 82 мужчины, 8 женщин,

1 ребенок (НАСР: 1–119). Среди них было 15 старшин из лагеря в Орадя-Маре, которые поступили на учебу в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия). В апреле 1922 г. лагерь Орадя-Маре оставило более 10 махновцев, которые вместе с Н. Махно и его женой тайно перешли румынско-польскую границу и вскоре были арестованы и интернированы польской властью (Бегство 1922: 3).

С конца 1920 до конца 1922 г. умерли семь интернированных украинцев (в Брашове – четыре, Бухаресте, Орадя-Маре и Джурджу – по одному) (ЦДАВО 5: 4зв).

Зимой 1921–1922 гг. украинская эмиграция пополнилась повстанцами, которые приняли участие во Втором зимнем походе Армии УНР, а также теми, кто перешел границу небольшими группами или индивидуально. Например, в феврале 1922 г. на румынскую территорию перешли остатки отряда атамана Сирко в количестве 15 чел. (Русская военная 2010: 599). Они жили в прифронтовой зоне в Бессарабии легально или нелегально. Иногда румынская власть создавала из таких людей отряды для выявления большевистских агентов и отрядов противодействия им на своей территории (ЦДАГО: 29).

В течение 1921–1922 гг. правительство УНР рассматривало вопрос о переводе украинцев из балканских стран и Турции в Румынию, где украинская эмиграция состояла преимущественно из сторонников идеи УНР. Правительство стремилось, с одной стороны, вывести из-под российского влияния украинскую эмигрантскую массу, с другой – сконцентрировать потенциальную военную силу на границе с Украиной. Индивидуально или в составе небольших групп украинские эмигранты из Болгарии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) прибывали в Румынию через дунайский порт Джурджу. Местная власть создала в городе транзитный пункт для них и интернированных военных из лагеря Орадя-Маре, которые временно работали на местном сахарном заводе, а также для беженцев, следовавших с Украины через Румынию в другие страны (Павленко 1999: 261).

Интернированные военные, члены их семей и гражданские лица, которые находились в лагерях, состояли на учете у власти. Подсчет же беженцев и тех, кто перешел румынскую границу нелегально, не осуществлялся. Так, в письме председателя ЧДМ Константина Матеевича (1873–1942) министру иностранных дел УНР от 28 ноября 1921 г. отмечалось, что, кроме военных, начали в большом количестве переходить Днестр гражданские беженцы (ЦДАВО 8: 47 зв).

Учет беженцев вели лишь организации, которые оказывали им помощь. Но в Румынию прибывали и обеспеченные люди, которые

не нуждались в материальной помощи, и их не ставали на учет. Кроме того, в то же время осуществлялся процесс возвращения беженцев из Румынии или через ее территорию на родину. Именно поэтому общее количество эмигрантов в разных источниках существенно разнится. При этом достаточно большим был удельный вес среди них представителей еврейской национальности, особенно из Волынской, Киевской и Подольской губерний. По данным российского посла Станислава Поклевского-Козелл (1868–1939), в конце марта 1921 г. в Румынии их было около 40 тыс. чел. (ГАРФ 1: 15–16).

Российская эмигрантская пресса сообщала, что в августе 1921 г. в Румынии, в том числе и Бессарабии, находилось около 30 тыс. беженцев из России и Украины, среди них евреев – 24 тыс., русских (вероятно, и украинцев – В.В.) – 6 тыс. чел. (Не Йонеско 1921: 1). Из отчета, предоставленного Румынией Лиге Наций в 1921 г., на ее территории было больше 100 тыс. эмигрантов. Международное общество Красного Креста указывало на наличие 60 тыс. чел., в том числе и репатриантов из России и Украины в Бессарабию (Скворцов 2009: 124). Эти данные могли быть завышены, поскольку Румыния таким образом хотела показать большие затраты на содержание беженцев и необходимость их компенсации со стороны международных организаций.

По данным К. Мацеевича, в апреле 1921 г. в Бессарабии находилось более 100 тыс. беженцев. Бывший консул УНР в Кишиневе Михаил Шереметьевский-Шереметьев указывал на то, что в ноябре 1921 г. их было более 80 тыс. (ЦДАВО 8: 93). Вероятно, среди них были и репатрианты из России и Украины.

Существенные расхождения в определении количества эмигрантов из России, куда включали и украинцев, в Румынии в 1920–1921 гг. существуют и в исследованиях по истории российской эмиграции. М. Йованович утверждал, что в Румынии находилось 2 тыс. российских эмигрантов (Йованович 2005: 116), В. Поремский – 35 тыс. (Поремский 1998: 137), Дж. Симпсон – 45 тыс. (Simpson 1939: 413), П. Ковалевский – 80 тыс. (Ковалевский 1971: 45-46), Е. Кулишер – 100 тыс. чел. (Kulisher 1948: 54).

Такие расхождения по количеству эмигрантов в Румынии были вызваны рядом причин. Во-первых, при определении понятия «беженец» не учитывался территориально-правовой фактор. Основная масса беженцев сосредоточилась в Бессарабии. В этом регионе в их состав могли быть зачислены репатрианты, которые только что вернулись в Бессарабию, но еще не приняли румынское подданство. Румыния репатриантами считала тех, кто родился или жил в губернии до 1918 г. и признал румынскую власть. К беженцам могли быть причислены и те, кто фактически проживал в Бессарабии в на-

чале 1920-х гг., но не принял румынское подданство или не получил документ на жительство, т. е. представители национальных меньшинств. Поэтому ЧДМ Украинской Народной Республики и Российское посольство при определении количества беженцев в Румынии отдельно выделяли Бессарабию, где издавна проживали этнические украинцы и русские. Во-вторых, не учитывался национальный фактор. Абсолютное большинство беженцев из России и Украины в то время составляли евреи, которые имели паспорта УНР, документы белой России или получали румынские паспорта для пребывания в Румынии либо переезда в другие страны. В документации российских дипломатов в Румынии количество этнических украинцев и русских было на порядок меньше, чем евреев. Так, в докладе Александра Эйлера (1855–?) Временному главному комитету Всероссийского земского союза указывалось, что в апреле 1922 г. еврейские общественные организации в Румынии зарегистрировали 22 тыс. еврейских беженцев из России и Украины, российские организации – около 2 тыс. русских (ГАРФ 2: 6 об).

Итак, в конце 1921 г. минимальное количество украинского военного контингента составляло примерно 1 350 – 1 450 чел., максимальное – 1 700 чел. Минимальные показатели подтверждаются и данными ЧДМ. Так, в конце того же года в лагерях в Брашове и Фэгэраше находилось 238 чел., на работах в Джурджу – 750, в Бухаресте и его окрестностях – 152, в других городах – 200, всего – 1 340 чел. (ЦДАВО 1: 39). Все они (на 95% – военные) состояли на учете румынских властей и ЧДМ. Однако здесь не учтены те лица, которые пересекали югославско-румынскую и болгарско-румынскую границы легальным и нелегальным путем и советско-румынскую границу нелегально, особенно во время и после Второго зимнего похода Армии УНР. Вне учета ЧДМ находились гражданские беженцы, преимущественно в Бессарабии. Их, по нашему мнению, было в несколько раз больше, чем военных. Среди них – те, кто находился в Бессарабии на момент ее присоединения к Румынии, не принял румынское подданство и ассоциировал себя с Украиной, надеясь на скорое возвращение туда; беженцы из Украины, которые легально или нелегально прибыли из-за Днестра; репатрианты из Украины и России, которые не успели принять румынское подданство. Об этом косвенно свидетельствуют количественные показатели украинской эмиграции более позднего периода. Так, в конце 1924 г. Общественно-вспомогательный комитет (ОВК) украинской эмиграции в Румынии зарегистрировал 1 138 чел. «организованной эмиграции», однако, по мнению К. Мацеевича, это составляло примерно половину всех украинских эмигрантов, находившихся в то время в Румынии (Мацеевич 1925: 15), то есть примерно 2,3 тыс. человек.

На самом деле украинских эмигрантов было больше. Во-первых, при определении количества эмигрантов не учитывали их жен и детей (Геродот 1939: 10). Во-вторых, основная масса желавших вернуться на родину сделала это в 1921–1923 гг. В-третьих, часть эмигрантов реэмигрировала в другие страны. В-четвертых, на I конференции украинской эмиграции, которая состоялась в июне 1929 г. в Праге, представитель ОВК задекларировал количество «организованной» украинской эмиграции в Румынии до 3 тыс. чел. (Учасник 1929: 42), что примерно соответствовало количеству владельцев сертификатов идентичности («нансеновские паспорта»). Поскольку в 1923–1929 гг. нового массового притока эмигрантов не было, часть из них приняла румынское подданство, вернулась на родину, реэмигрировала или умерла, то можно предположить, что в начале 1920-х гг. в Румынии находилось не менее 4 тыс. украинских эмигрантов. Примерно такое же количество называл и президент УНР в изгнании Николай Ливицкий. Он утверждал, что в конце 1920 г. из Украины в Польшу и Румынию эмигрировало 40–50 тыс. чел., среди которых на первую страну приходилось 90 % эмигрантов, вторую – 10% (Ливицкий 1984: 10), то есть 4–5 тыс. чел.

Первую помощь украинским беженцам в Румынии оказывала ЧДМ. Во-первых, осуществлялась организационная работа. Уполномоченный ЧДМ в Буковине ввел специальные карточки учета граждан УНР, которые находились в этом регионе. Несмотря на то, что правительство Румынии издало довольно благосклонное, по мнению К. Мацеевича, распоряжение относительно беженцев с Украины в Бессарабии, местной властью оно игнорировалось. По решениям военных судов беженцы часто попадали в тюрьмы. Для их освобождения в Бельцах и Бендерах были созданы общественные комитеты помощи, а в Бельцах и Кишиневе ЧДМ открыла временные убежища для них (ЦДАВО 8: 48, 155 зв). Осуществлялись мероприятия по созданию в Кишиневе филиала Украинского Общества Красного Креста. С этой целью на место выезжали адмирал Михаил Остроградский (1870–1923) и М. Шереметьевский-Шереметьев, однако решение дела отложили до времени создания ОВК (ЦДАВО 3: 260).

Во-вторых, ЧДМ оказывала материальную помощь беженцам. Так, в четвертом квартале 1920 г. на «помощь украинцам за рубежом» было потрачено 7 900 леев, на «опеку над военнопленными» (интернированными) – 24 741 лей (ЦДАВО 7: 107–107 зв), в первом квартале 1921 г. – соответственно 4 578 и 33 370 леев (ЦДАВО 7: 129 зв–130). В-третьих, Чрезвычайная дипломатическая миссия не только способствовала интернированным в поиске работы, но и сама находила для них работодателей (ЦДАВО 9: 70 зв). В-чет-

вертых, она помогала беженцам реэмигрировать в другие страны. В четвертом квартале 1920 г. было выдано для выезда за границу 209 паспортов бесплатно и 20 паспортов за плату (ЦДАВО 12: 29). Выезжали в основном в Польшу и Чехословакию, однако много эмигрантов оказалось в Аргентине и Бразилии (ЦДАВО 8: 156 зв).

С увеличением количества украинских беженцев в Румынии возросла нагрузка и в работе консульских отделений ЧДМ. В 1920 г. такие отделения действовали в Бухаресте и Черновцах, а с 1921 г. – еще и в Кишиневе. Третье отделение сначала возглавлял профессор И. Ганицкий, затем – М. Шереметьевский-Шереметьев. Консульский отдел в Бухаресте среди желавших получить украинский паспорт выделил пять групп. К первой относились служащие госучреждений за рубежом, бывшие чиновники (в отставке), которые имели разрешение от государственных органов на пребывание за рубежом, а также сотрудники иностранных филиалов украинских образовательных, кооперативных и коммерческих организаций, которые были лично известны ЧДМ. Вторую группу составляли казаки и старшины Армии УНР. Гражданские паспорта таким лицам выдавались лишь в случае необходимости выезда их к месту нахождения правительства УНР. В третью группу входили постоянно проживавшие в Румынии лица – военные бывшей российской армии после ликвидации Румынского фронта, а также скопцы и староверы, которые проживали там с дореволюционных времен по российским паспортам. Часть из них получила украинские паспорта. Четвертая группа – беженцы с территорий Украины, захваченных советской властью. Большое движение началось с середины 1920 г. и продолжалось в 1921–1922 гг. Среди них преобладали евреи. Большинство из них уехало в Палестину, остальные – в Америку. Пятая группа – жители Бессарабии и Буковины, которые своевременно подали официальные заявления об отказе от румынского подданства и переходе в гражданство УНР.

Во избежание возможности получения украинского паспорта лицом, осуществлявшим большевистскую или антиукраинскую агитацию, ЧДМ требовала представить ряд документов: свидетельство о рождении лица или иной документ, официально подтверждавший его происхождение с Украины, паспорт, по которому человек жил до получения украинского документа, легитимация от правительства УНР и «билет на право свободного пребывания в Румынии». Это касалось в основном представителей третьей группы. У представителей четвертой и пятой групп консульство требовало дополнительно еще и «разрешение на право пребывания в Бессарабии». В деле выдачи украинских паспортов коренным жителям Бессарабии и Буковины Чрезвычайная дипломатическая миссия вела себя

очень осторожно и в основном не удовлетворяла просьб. Исключение делалось лишь в случае отсутствия каких-либо негативных последствий.

Отношение к деятельности консульского отделения при ЧДМ со стороны румынских властей было благосклонным. Так, Министерство иностранных дел Румынии направляло миссии ноты, отсылало в консульство всех людей, которые обращались к нему за освидетельствованием доверенностей, сделанных нотариусами на Украине, беспрепятственно свидетельствовало подпись управляющего консульским отделением ЧДМ на легализованных им копиях документов и переводах (ЦДАВО 12: 23 зв–25). МИД Румынии принципиально отказывался признавать свидетельство российскими консулами подписей на выдававшихся ими документах, не заверенных российским послом (ГАРФ 1: 2–2 об).

Положительным было отношение к украинскому консульству и со стороны иностранных дипломатических учреждений. Гражданам УНР предоставляли визы почти во всех консульствах, существовавших в Бухаресте. Не делало это только консульство КСХС (ЦДАВО 12: 25зв–26).

К. Мацеевич неоднократно встречался с премьер-министром и министрами Румынии (Авереску, Аржентояну, Брэтиану, Потович, Таке-Ионеску и др.), депутатами парламента (Элефериу, Инкулец, Манулеску, Нистор и др.), послами Болгарии, Польши, Франции в Румынии. Во время этих встреч речь шла и о пребывании в Румынии украинских беженцев. Однако, по его мнению, румыны избегали оказывать реальную помощь и поддержку, ориентируясь в этом деле на позицию Франции (ЦДАВО 10: 12 зв–14).

В Румынии действовала сеть общественных организаций помощи беженцам. Из-за недоброжелательности и подозрительности румынской власти к российским беженцам всероссийские общественные организации так и не развернули там широкой деятельности (ГАРФ 2: 1–2).

Организации беженцев существовали преимущественно в Кишиневе. 1 апреля 1921 г. начал свою деятельность (русский) Комитет беженцев во главе с В. Кристи. Он основал собственное общежитие на 35 человек и пансион для учеников. Беженцам оказывалась материальная, медицинская и юридическая помощь (ГАРФ 1: 5–5 об). В составе комитета впоследствии образовалась украинская секция. Ее представляли генерал Евгений Леонтович, Юлиан Миткевич и галичанин Дидунек. Комитет выделял секции средства на нужды беженцев-украинцев (ЦДАВО 11: 46).

Самыми мощными были еврейские организации в Бессарабии. Плодотворное сотрудничество ЧДМ наладило с Центральным укра-

инским комитетом помощи беженцам (руководители – д-р Коган-Бернштейн, Сапилович и бывший сотрудник Министерства по еврейским делам УНР Ямпольский). На средства международных и еврейских благотворительных организаций комитет открыл общежития, учебные заведения, курсы (ЦДАВО 11: 46). В мае 1921 г. он зарегистрировал 8 тыс. беженцев с Украины, а 4 тыс. чел. ожидали регистрации (В Румунії 1921: 3).

Таким образом, основу украинской политической эмиграции третьей волны в Румынии составляли военнослужащие Армии УНР, члены партизанско-повстанческих отрядов. К ним присоединились гражданские лица, которые не признавали советский режим и исповедовали идею самостоятельной Украины. В Румынии украинская эмиграция сформировалась самостоятельно, без влияния российской эмиграции. Ведущую роль в ее объединении сыграла Чрезвычайная дипломатическая миссия УНР во главе с К. Мацеевичем. Несмотря на непризнание Румынией УНР де-юре, ее дипломатическое представительство в Бухаресте существовало де-факто и плодотворно действовало на ниве защиты прав эмигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

Бегство 1922 – Бегство и арест Махно // Руль. Берлин, 1922. № 430. С. 3.
В Румунії 1921 – В Румунії. Кількість біженців у Кишиневі // Українська трибуна. Варшава, 1921. Ч. 15. С. 3.

Власенко 2008 – *Власенко В.* Документи і матеріали Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії (1919–1923 рр.) // Пам'ятки: археографічний щорічник. Т. 8. К., 2008. С. 129–160.

Власенко 2014 – *Власенко В.Н.* Формирование украинской политической эмиграции в Румынии в межвоенный период (первая волна) // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. Суляк С.Г. 2014. № 1 (35). С. 105–120.

Геродот 1939 – *Геродот Д.* Еміграційні справи у Румунії // Тризуб. Париж, 1939. № 32. С. 9–14.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5680. Оп. 1. Д. 65. Донесения белогвардейского представителя в Румынии о правовом положении белоэмигрантов. 1920–1921 гг.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Д. 274. Доклад члена Главного комитета А. Эйлера по обследованию деятельности Ликвидационной комиссии Всероссийского Земского Союза. Б. д.

Йованович 2005 – *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. 488 с.

Ковалевский 1971 – *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–

1970). Париж, 1971. 347 с.

Лівицький 1984 – *Лівицький М.А.* ДЦ УНР в екзилі між 1920 і 1940 роками. Мюнхен; Філадельфія: Вид-во Укр. інформ. бюро, 1984. 72 с.

Мацієвич 1925 – *Мацієвич К.* Українська Еміграційна Конференція в Румунії // Студентський вістник. Прага, 1925. №. 12. С. 15–19.

Не Йонеско 1921 – Не Йонеско. Русские в Румынии // Русское дело. София, 1921. № 3. С. 1.

Павленко 1999 – *Павленко М.* Українські військовополонені й інтерновані у таборах Польщі, Чехословаччини та Румунії: ставлення влади і умов перебування (1919–1924 рр.). К., 1999. 352 с.

Поремский 1998 – *Поремский В.Д.* Политическая миссия российской эмиграции // Стратегия антибольшевистской эмиграции; избранные статьи 1934–1997 гг. М.: Посев, 1998. С. 133–175.

Порохівський 1930 – *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // Табор. Варшава, 1930. Кн. 13. С. 57–68.

Порохівський 1931 – *Порохівський Г.* Українська військова еміграція в Румунії // Табор. Варшава, 1931. Кн. 16. С. 74–90.

Русская 2010 – Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 5: Раскол: 1924–1925 гг. / Сост.: В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, И.И. Басик и др. М.: РГГУ, 2010. 753 с.

Скворцова 2009 – *Скворцова А.Ю.* Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии в межвоенный период // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Индрик, 2009. С. 119–137.

Учасник 1929 – Учасник конференції. Перша конференція української еміграції // Тризуб. Париж, 1929. № 29–30. С. 40–46.

ЦДАВО 1 – Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО). Ф. 1075. Оп. 2. Д. 827. Звіт про працю Військового міністерства. 1922 г.

ЦДАВО 2 – ЦДАВО. Ф. 2471. Оп. 1. Д. 1. Звіти Надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії. 1921–1922 рр.

ЦДАВО 3 – ЦДАВО. Ф. 2562. Оп. 1. Д. 67. Списки членів Товариства Червоного Хреста та його відділів. 1921 р.

ЦДАВО 4 – ЦДАВО. Ф. 3179. Оп. 1. Д. 7. Листування з дипломатичними місіями. 1921–1923 рр.

ЦДАВО 5 – ЦДАВО. Ф. 3179. Оп. 1. Д. 11. Звіт коменданта інтернованих петлюрівців в Румунії. 1922 р.

ЦДАВО 6 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 7. Листи Головному отаману Петлюрі від послів. 1919–1923 рр.

ЦДАВО 7 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 259. Листування з дипломатичною місією УНР в Румунії. 1920–1922 рр.

ЦДАВО 8 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 308. Листування Дипломатичної місії в Румунії. 1919–1921 рр.

ЦДАВО 9 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 354. Звіт про розмову між міністром закордонних справ і міністром земельних справ Болгарії Стамбулінським. 1920–1921 рр.

ЦДАВО 10 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 446. Чорнові замітки про діяльність місій УНР. 1921 р.

ЦДАВО 11 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 525. Листування з послом УНР в Румунії. 1921 р.

ЦДАВО 12 – ЦДАВО. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 562. Звіти про діяльність консульських відділів при місіях УНР. 1921–1923 рр.

ЦДАГО – Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1311. Телеграммы, письма Политуправления всеми вооруженными силами Украины и Крыма в ЦК КП (б) У. 1922 г.

ЦДАЗУ – Центральний державний архів зарубіжної україніки (ЦДАЗУ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 10. Розпорядження Військової секції про призначення Порохівського Г. командиром усіх українських частин у Румунії. 1921 р.

Kulisher 1948 – *Kulisher E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes 1917–1947. New York: Columbia University Press, 1948, 377 p.

NAČR – Národní archiv České republiky, f. "Ukrajinske muzeum v Praze" (NAČR), kart. 11, inv. № 288, arch. 1–119.

Simpson 1939 – *Simpson J.H.* The Refugee Problem, Report of a Survey. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1939. 637 p.

References

Begstvo 1922 – Begstvo i arest Mahno [Flight and arrest Makhno], Rul', Berlin, 1922, Nr 430, p. 3 [in Russian].

Herodot 1939 – *Herodot D.* Emihratsiyni spravy u Rumuniyi [Immigration cases in Romania], Tryzub, Paryzh, 1939, Nr 32, pp. 9–14 [in Ukrainian].

Jovanovich 2005 – *Jovanovich M.* Russkaja jemigracija na Balkanah: 1920–1940 [Russian emigration in the Balkans: 1920–1940], Moscow, 2005, 488 p. [in Russian].

Kovalevskij 1971 – *Kovalevskij P.E.* Zarubezhnaja Rossiya: Istorija i kul'turno-prosvetitel'naja rabota russkogo zarubezh'ja za polveka (1920–1970) [Russia Abroad: History and cultural and educational work of the Russian diaspora in half a century (1920–1970)], Parizh, 1971, 347 p. [in Russian].

Kulisher 1948 – *Kulisher E.M.* Europe on the Move: War and Population Changes 1917–1947, New York: Columbia University Press, 1948, 377 p.

Livyts'kyi 1984 – *Livyts'kyi M.A.* DTs UNR v ekzyli mizh 1920 i 1940 rokamy [SC UPR in exile between 1920 and 1940 years], Myunkhen; Filadel'fiya: Vydvo Ukr. inform. byuro, 1984, 72 p. [in Ukrainian].

Matsiyevych 1925 – *Matsiyevych K.* Ukrayins'ka Emihratsiyna Konferentsiya v Rumuniyi [Ukrainian Émigré Conference in Romania], Students'kyi vistnyk, Praha, 1925, Nr 12, pp. 15–19 [in Ukrainian].

NAČR – Národní archiv České republiky, f. "Ukrajinske muzeum v Praze" (NAČR), kart. 11, inv. Nr 288, arch. 1–119 [in Czech].

Ne Jonesko 1921 – *Ne Jonesko.* Russkie v Rumynii [Russian in Romania], Russkoe delo, Sofija, 1921, Nr 3, p. 1 [in Russian].

Pavlenko 1999 – *Pavlenko M.* Ukrai'ns'ki vijs'kovopoloneni j internovani

u taborah Pol'shhi, Chehoslovachchyny ta Rumunii': stavlennja vłady i umovy perebuvannja (1919–1924 rr.) [The Ukrainian prisoners of war and interned in concentration camps in Poland, Czechoslovakia and Romania: the government's attitude and the conditions of (1919–1924 years)], Kyiv, 1999, 352 p. [in Ukrainian].

Poremskij 1998 – *Poremskij V.D.* Politicheskaja missija rossijskoj jemigracii [Political mission of the Russian emigration], in Poremskij V.D. Strategija antibol'shevickoj jemigracii; izbrannye stat'i 1934–1997 gg. [Strategy anti-Bolshevik emigration; Selected Articles 1934–1997 years], Moscow, 1998, pp. 133–175 [in Russian].

Porokhivs'kyj 1930 – *Porokhivs'kyj H.* Ukrajins'ka viys'kova emihratsiya v Rumuniyi [Ukrainian military emigration in Romania], Tabor, Varshava, 1930, Nr 13, pp. 57–68 [in Ukrainian].

Porokhivs'kyj 1931 – *Porokhivs'kyj H.* Ukrajins'ka viys'kova emihratsiya v Rumuniyi [Ukrainian military emigration in Romania], Tabor, Varshava, 1931, Nr 16, pp. 74–90 [in Ukrainian].

Russkaja 2010 – Russkaja voennaja jemigracija 20–40-h godov XX veka. Dokumenty i materialy [Russian military emigration 20–40 years of the twentieth century. Documents and materials], vol. 5: Raskol (Split): 1924–1925 gg. / Sost.: V.A. Avdeev, J.A. Alekseev, I.I. Basik i dr. Moscow: RGGU 2010, 753 p. [in Russian].

Simpson 1939 – *Simpson J.H.* The Refugee Problem, Report of a Survey, London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1939, 637 p.

Skvorcova 2009 – *Skvorcova A.J.* Rol' migracii v izmenenii kolichestvennyh i kachestvennyh harakteristik russkogo naselenija Bessarabii v mezhoennyj period [The role of migration in changing the quantitative and qualitative characteristics of the Russian population of Bessarabia in the interwar period], V poiskah luchshej doli [In search of a better life]. Rossijskaja jemigracija v stranah Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy (vtoraja polovina XIX – pervaja polovina XX v.), Moscow: Indrik, 2009, pp. 119–137 [in Russian].

SARF 1 – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of Russian Federation (SARF)], f.R-5680, op.1, d.65. Doneseniya belogvardejskogo predstavatelya v Rumynii o yuridicheskom polozenii beloemigrantov. 1920–1921.

SARF 2 – SARF, f.R-5766, op.1, d.274. Doklad chlena Glavnogo komiteta A. Eylera po obsledovaniju deyatelnosti Likvidatsionnoj komissii Vserossijskogo Zemskogo Soyuza. Bez daty.

CSAFU – Tsentral'nyy derzhavnyy arhiv zarubizhnoyi ukrajiniky [Central State Archives of Foreign Archival Ucrainica], f.1, op.5, d.10. Rozporyadzhennya Viys'kovoyi sektsiyi pro pryznachennya Porokhivs'koho H. komandyrom usikh ukrajins'kykh chastyn u Rumuniyi. 1921 [in Ukrainian].

TsGAPO – Tsentral'nyy derzhavnyy arhiv hromads'kykh ob"yednan' Ukrainy [Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAPO)], f.21, op.20, d.1311. Telegrammy, pis'ma Politupravlenija vsemi vooruzhennymi silami Ukrainy i Kryma v CK KP (b) U. 1922.

TsGAVO 1 – Tsentral'nyy derzhavnyy arhiv vyshchykh orhaniv vłady ta upravlinnya Ukrainy [Central State Archives of Supreme Bodies of Power

and Government of Ukraine (TsGAVO)], f. 1075, op. 1, d. 827. Zvit pro pratsyu Viys'kovoho ministerstva. 1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 2 – TsGAVO, f. 2471, op. 1, d. 1. Zvity Nadzvychaynoi dyplomatychnoyi misiyyi UNR v Rumuniyi. 1921–1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 3 – TsGAVO, f. 2562, op. 1, d. 67. Spysky chleniv Tovarystva Chervonoho Khresta ta yoho viddiliv. 1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 4 – TsGAVO, f. 3179, op. 1, d. 7. Lystuvannya z dyplomatychnymy misiyyamy. 1921–1923 [in Ukrainian].

TsGAVO 5 – TsGAVO, f. 3179, op. 1, d. 11. Zvit komendanta internovanykh petlyurivtsiv v Rumuniyi. 1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 6 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 7. Lysty Holovnomu Otamanu Petlyuri vid posliv. 1919–1923.

TsGAVO 7 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 259. Lystuvannya z dyplomatychnoyu misiyyeyu UNR v Rumuniyi. 1920–1922 [in Ukrainian].

TsGAVO 8 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 308. Lystuvannya Dyplomatychnoyi misiyyi v Rumuniyi. 1919–1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 9 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 354. Zvit pro rozmovu mizh ministrom zakordonnykh sprav i ministrom zemel'nykh sprav Bolhariyi Stambulins'kym. 1920–1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 10 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 446. Chornovi zamitky pro diyal'nist' misiyyi UNR. 1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 11 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 525. Lystuvannya z poslom UNR v Rumuniyi. 1921 [in Ukrainian].

TsGAVO 12 – TsGAVO, f. 3696, op. 2, d. 562. Zvity pro diyal'nist' konsul's'kykh viddiliv pry misiyyakh UNR. 1921–1923 [in Ukrainian].

Uchasnyk 1929 – Uchasnyk konferentsiyi. Persha konferentsiya ukrayins'koyi emihratsiyi, Tryzub, Paryzh, 1929, Nr 29–30, pp. 40–46 [in Ukrainian].

V Rumuniyi 1921 – V Rumuniyi. Kil'kist' bizhentsiv u Kyshynevi, Ukrayins'ka trybuna, Varshava, 1921, Nr 15, p. 3 [in Ukrainian].

Vlasenko 2008 – Vlasenko V. Dokumenty i materialy Nadzvychaynoi dyplomatychnoyi misiyyi UNR v Rumuniyi (1919–1923 rr.), Pam'yatky: arkheohrafichnyy shchorichnyk, Nr 8, Kyiv, 2008, pp. 129–160 [in Ukrainian].

Vlasenko 2014 – Vlasenko V.N. Formirovanie ukraïnskoj politicheskoy jemigracii v Rumynii v mezhoennyy period (pervaja volna) [Formation of the Ukrainian political emigration to Romania during the interwar period (the first wave)], Rusin, 2014, Nr 1, pp. 105–120 [in Russian].

Власенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории юридического факультета Сумского государственного университета.

Vlasenko Valery – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of the Law Faculty of Sumy State University.

e-mail: v_m_vlas@ukr.net